

развивается через идущее вперед приспособление наших мыслей к фактам действительности. Через приспособление наших мыслей друг к другу возникает упорядоченная, упрощенная и свободная от противоречий система идей»³⁵. Как видим, и идеи, и системы идей, в конечном счете, могут быть разложены на факты. Это оправдывается тем, что научности в самых разных областях знания достигали, полагаясь в первую очередь на упрямые факты, свидетельствующие о самой реальности. Вот эта аналитическая методология, сводящая в конце концов всю деятельность сознания к фактам – к ощущениям и комплексам ощущений критику – и вызывает критику Э. Гуссерля. Он заявляет: «Натуралисты и историцисты борются за мирозерцание; но и те и другие с различных сторон прилагают свои усилия к тому, чтобы перетолковать идеи в факты, а всю действительность, всю жизнь превратить в непонятную безыдейную смесь «фактов». Всем им присуще суеверие фактичности»³⁶. Если идеи и мысли – это только какая-то комбинация фактов, а разум полностью укладывается на поверхность опыта, то из философии исчезает то, что делает ее философией, – смысл. Вот поэтому Э. Гуссерль говорит о том, что позитивисты «обезглавливают философию».

В феноменологии фактам и комплексам ощущений противопоставляются смыслы, опоре на опытно-экспериментальные основания – внутреннее интеллектуальное созерцание сущности, объективизму – собственное Я и самопонимание, а научности законов природы, понятой как она есть сама по себе, – понимание мира как продукта духа. Обобщая указанные противоположения, мы можем сказать, что феноменология противопоставляет аналитизму методологию осмысления.

ПОНЯТИЕ «ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ» В ФИЛОСОФИИ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА

Д. В. Котелевский

*кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии
и теории познания Департамента философии Института
социальных и политических наук Уральского федерального
университета имени первого Президента России*

Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Понятие языковой игры появляется в работе Людвиг Витгенштейна «Философские исследования», время написания данной

³⁵ Там же. С. 52.

³⁶ Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Сагуна, 1994. С. 170.

работы обычно определяется как 1945-й год, но, как известно, опубликована эта работа была посмертно в 1953-м году. В «Логико-философском трактате» можно, конечно, обнаружить некоторые предпосылки данного понятия, но в целом введение понятия языковой игры обозначает отказ Витгенштейна от представления о возможности метаязыкового анализа. Появление данного понятия, таким образом, связано с разработкой новой теории значения, в рамках которой значение не может быть однозначно определено в некоей метаязыковой системе. Невозможность дать точное определение значению того или иного предложения в значительной мере задается, с точки зрения Витгенштейна, множественностью типов предложений. Данный момент достаточно ясно высказан в положении 23 «философских исследований»: «Сколько же существует типов предложения? Скажем, утверждение, вопрос, повеление? Имеется бесчисленное множество таких типов <...>. И эта множественность не представляет собой чего-то устойчивого, раз и навсегда данного, наоборот, возникают новые типы языка или, можно сказать, новые языковые игры, а другие устаревают и забываются»³⁷. Витгенштейн тем самым приходит к заключению, что собственно классическими методами анализа языка и классическими средствами семиотики мы не в состоянии проанализировать выражения языка. В этом во многом и состоит смысл витгенштейновской критики идей неопозитивизма. С точки зрения Витгенштейна языковые выражения всегда погружены в контекст их использования. «Термин “языковая игра” призван подчеркнуть, что говорить на языке – компонент деятельности или форма жизни»³⁸. В результате Людвиг Витгенштейн, на наш взгляд, задает возможность для весьма расширительного толкования прагматики языка, которая в итоге не ограничена собственно структурами самого языка, а связана с формами деятельности и ими же обосновывается. Потому подобное понимание языковых игр заставляет признать ограниченную модель, которая подразумевает отдельно взятый анализ структур языка и отдельно взятый анализ способа его использования. Здесь важно обратить внимание на то, что сама «деятельность» также понимается Витгенштейном в широком смысле – это и деятельность обычного человека, который отдает приказы, задает вопросы, обращается за разъяснениями к другому человеку и, например, деятельность математика, который в своей работе создает новый язык, новые «языковые игры» используя математические символы. Математика как форма знания, в отличие от естественных наук, по Витгенштейну, обречена на постоянную разработку и открытие новых возможностей использования

³⁷ Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М.: Гнозис, 1994. С. 90.

³⁸ Там же.

математического языка. Введение понятия «языковой игры» позволило несколько сместить акценты в понимании принципов анализа языка. По нашему мнению подобное понятие «языковой игры» во многом проблематизирует возможность построения семиотики, как единой теории знаков, так как типы «значений» оказываются различными и, кроме того, не сводимы определенному количеству типов, которые можно было бы описать и классифицировать. Соответственно проблематизируется и возможность построения единой гносеологии. Во-первых, потому что нет единой теории значения, а во-вторых, потому, что нет возможности четко определить место «опыта» как источника знания, что вполне ясно показывает Витгенштейн в своей работе «О достоверности».

На наш взгляд, весьма интересное развитие идея языковой игры получает у Витгенштейна в его работе «О достоверности». Сама работа «О достоверности» представляет собой более или менее систематизированные размышления Витгенштейна относящиеся к его периоду работы в 1946–1951 гг. Как известно в работе поднимаются гносеологические проблемы и поставлены они во многом в результате стремления Витгенштейна возразить Дж. Муру. В итоге, в работе одновременно присутствует несколько линий размышления и аргументации. Во-первых, это попытки понять то, насколько муровские аргументы действительно позволяют обосновать существование внешнего мира. Таким образом, возникает задача обоснования реализма или эмпиризма. Заметим, кстати, что для Витгенштейна реализм и эмпиризм представляют собой разные, несводимые друг к другу установки. Здесь же возникает и рассматривается вопрос о различении реалистических форм и суждений в познании и ирреалистических суждений, в пределе граничащих с безумием. Во-вторых, это попытка определить основания достоверности познания. Определение границ достоверности познания связано у Витгенштейна с темой анализа речевых выражений, нацеленного на фиксацию осмысленности или бессмысленности определенных высказываний. В самой работе «О достоверности» Витгенштейн обращается к высказываниям Дж. Мура «Я знаю, что это дерево» и «Я знаю, что это рука». В обоих случаях Мур подразумевает уместность данного типа высказываний и считает важными такой тип высказываний для обоснования реальности опыта и доказательства реальности внешнего для человека мира. Не сомневаясь, в принципе, в реальности внешнего мира, Витгенштейн говорит о том, что сами подобные высказывания бессмысленны. С точки зрения Людвиг Витгенштейна выражение «Я знаю, что <...>» уместно там, где возникают сомнения в этом знании, там, где возникает мысль о том, что мое знание ошибочно. В фрагменте 21 работы «О достоверности»

Витгенштейн пишет: «Точка зрения Мура сводится, собственно, к следующему: понятие “знать” аналогично понятиям “быть уверенным”, “предполагать”, “сомневаться”, “быть убежденным” в том, что утверждение “Я знаю <...>” не может быть ошибкой. Если же дело так и обстоит, то из такого утверждения можно сделать вывод, о истинности того, что в нем утверждается. Формой же “Я думал, что знал” здесь пренебрегают. – А если таковая не предусмотрена, то должна быть логически невозможна и ошибка в утверждении. И тот, кому знакома данная языковая игра, должен это понимать, – заверение заслуживающего доверия человека в том, что он знает, не в состоянии помочь делу»³⁹. В данном случае, по мнению Витгенштейна, для того, чтобы высказывание «Я знаю, что это рука» было осмысленным, необходимо иметь представление о том, что существуют основания для того, чтобы сомневаться в том, что это рука. Если подобных оснований для сомнения нет, то и само подобное выражение теряет свою осмысленность. Можно сказать и несколько иначе – выражение «Я знаю, что это рука» осмысленно тогда, когда имеются критерии для выявления ошибочности данного высказывания. Если подобных критериев говорящий указать не в состоянии, то уместно пользоваться не выражением «Я знаю, что это рука», а, например, выражением «Я уверен, что это рука». Тем самым, Витгенштейн указывает, что использование выражения «Я знаю <...>» уместно лишь в определенных границах, границах определенной языковой игры. В данном же случае происходит выход за пределы логики языковой игры и именно в силу этого данное высказывание неуместно. Тем самым в данных размышлениях Витгенштейна актуализируется тема границы языковой игры. Потому вполне логично задаться вопросом о том, что очерчивает границу языковой игры. Можно сделать здесь следующие выводы, отчасти совпадающие, отчасти различные по смыслу.

Во-первых, можно предположить, что границу языковой игры определяет другая языковая игра, с другими правилами и другой логикой. Так, например, различное использование выражений «Я знаю <...>» и «Я уверен <...>» указывает на то, что языковые игры здесь имеют несколько различный характер. В пунктах 61 и 62 «О достоверности» Витгенштейн пишет следующее: 61. «<...> Значение слова есть способ его употребления <...>»⁴⁰ и 62. «Вот почему существует соответствие между понятиями “значение” и “правило”»⁴¹. Методами анализа языка мы можем понять уместность тех или иных выражений в различных контекстах. Собственно тогда задача философии выглядит как прояснение правил,

³⁹ Там же. С. 325–326.

⁴⁰ Там же. С. 331.

⁴¹ Там же.

принципов использования конкретных выражений в конкретных языковых играх.

Во-вторых, в данном случае выражение «Я знаю, что это рука» указывает на некоторые внешние для языка границы. Если кто-то сомневается, что это рука, то нам бессмысленно пускаться в спор о том рука ли это или не рука, моя это рука или нет. Мы в таком случае скажем: «Подойди поближе и присмотришь, убедись в том, что это рука». Другими словами возможности теоретической языковой игры здесь оказываются исчерпанными и мы указываем на нечто, что существует как внешнее основание для данной языковой игры. Мы указываем на опыт как на то, что находится за пределами языковой игры. Конечно, это не означает того, что в результате анализа логической формы высказывания мы можем зафиксировать само содержание предложения, в котором определяется некая эмпирическая данность. По Витгенштейну, мы в результате логического анализа в состоянии, скорее, зафиксировать место эмпирического предложения в нашем языке. Подобная трактовка границы языковой игры опирается на использование понятия «эмпирического предложения» в работе «О достоверности», особенно записи 17, 18 и 19 марта.

В-третьих, границу языковой игры можно понять как возникающую в результате работы самого языка, самой языковой игры. Это относится и к ситуации, когда вроде бы фиксируется нечто внешнее по отношению к языку, то есть опыт и когда обнаруживаются другие языковые игры ставящие предел конкретной языковой игре. Ведь даже когда одна языковая игра ставит предел другой, то чаще всего эта граница конструируется логикой не внешнего, а внутреннего предела, логикой такого предела, на которой сама языковая игра обнаруживает свои границы. Подобная интерпретация языковой игры тематизирует и проблематизирует, в том числе, тему «опыта», которая является одной из центральных в данной работе Витгенштейна. «Опыт» в результате может быть понят как то, что возникает на пределе языковой игры, обозначает ее границу. Но ведь сами языковые игры весьма различны и, следовательно, выявление границ языковой игры как границ опыта, происходит различным образом. Потому естественно предположить, что существует не одна возможность фиксации места опыта, как места эмпирических предложений в нашем языке, а таких возможностей множество. Соответственно, признание множественности типов языковых игр приводит к признанию множественности типов «опыта». Сам «опыт» различен, множественен, конструируется разными типами языковой игры. Если признать это, то необходимо также признать и то, что нет единого места опыта, который можно было бы определить в системе познания, а значит и основания создания теории познания, основанной на понятии опыта, оказываются подорванными. Заметим, что подобная интерпретация уже несколько

выходит за пределы того, что непосредственно озвучено в работе Витгенштейна «О достоверности», но, ни в коем, случае ей не противоречит. Ведь говоря о том, что разные языковые выражения имеют разные отсылки к существованию, Витгенштейн, критикуя позицию Г. Фреге, по сути, приходит к идее разных типов онтологических объясительств. Уместно потому сделать вывод о том, что разные языковые игры по-разному прочерчивают и определяют границу языка и реальности, речи и того, что обычно обозначается словом «опыт». Как уже было замечено выше, подобный взгляд проблематизирует возможность эмпирических теорий познания, что, как нам представляется, характеризует, в значительной мере, и отношение Витгенштейна к позиции Мура как представителю эмпирической традиции в философии. Данная трактовка языковой игры продуктивна, на наш взгляд, тем, что пересматривается природа границы реальности и языка, она может быть представлена одновременно и как внешняя и как внутренняя граница, определяющая место «реального». С одной стороны обнаруживается, что языковая игра указывает на нечто внешнее по отношению к языку, несводимое к языковой игре. С другой стороны, пределы языковой игры устанавливаются самой языковой игрой. Поэтому вполне уместно будет сказать, что пределы языка определяются самим языком и определяются они не как один предел, не как одна граница языка и реальности, но как множественная гетерогенная граница. Немаловажно также и то, что признание множественности типов «языковых игр» у Витгенштейна опрокидывает возможность выстраивания иерархий «правильных» и «неправильных» языковых игр. Проблема демаркации научного знания и других видов знания, таким образом, если не исчезает вообще, то приобретает иной контекст существования. В отношении тех или иных языковых игр мы можем, с точки зрения Витгенштейна, задаваться вопросом об осмысленности определенных типов высказываний в рамках конкретной языковой игры, можем указывать на ошибки, которые могут иметь место, но мы уже не вправе говорить, что одна языковая игра чем-то лучше, чем другая, как это полагали представители неопозитивизма. Данная, непростая в целом, конструкция понимания языковых игр у Витгенштейна осложняется кроме того еще и тем, что в некоторых своих размышлениях Витгенштейн указывает на то, что границы языковых игр имеют нечеткий характер и, зачастую, одна языковая игра переходит в другие.

Другой важный момент, значимый для понимания смысла языковой игры, заключается в определении того, каким способом эти языковые игры усваиваются людьми и как этим играм обучаются. Таким образом, для Витгенштейна здесь возникает вопрос об обучении словам, правильному словоупотреблению, иными словами, об обучении языковым играм. Действительно, как соотносятся слова и предметы,

если не существует справочника, который бы соотносил их? – задается вопросом Витгенштейн. В положении 40 работы «О достоверности» Людвиг Витгенштейн пишет: «Вместо “Я знаю, что это моя рука” можно было бы сказать “Это моя рука”, а затем добавить как это узнают»⁴². Таким образом, по Витгенштейну всегда имеется возможность задать это Вот так по отношению к конкретной языковой игре. Собственно любая языковая игра предполагает наличие этих правил, возможность формулирования этого Вот так, как возможность передачи другому человеку знания о том, как используется то или иное речевое выражение. В какой-то момент происходит обучение способам использования конкретной языковой игры. Происходит «синхронизация» языковых игр, «синхронизация» языковой игры и поведения человека, согласование способов восприятия реальности. Данные моменты наиболее ясно проиллюстрированы в размышлениях Витгенштейна о согласовании восприятия цвета в фрагменте 345 работы «О достоверности». «Если с целью выяснить, какой же это цвет, я спрашиваю кого-то: «Какой цвет ты сейчас видишь?» – то в этот самый момент я не могу сомневаться в том, понимает ли этот человек немецкий язык, не намерен ли он ввести меня в заблуждение, не подводит ли меня с названиями цветов моя собственная память и т. д.»⁴³.

По мнению Витгенштейна, в данном процессе происходит «указательное обучение словам». Витгенштейн приводит ряд примеров, которые на его взгляд, иллюстрируют данный процесс. Это и пример с плитами на стройке, и примеры с цветными шариками для ребенка, и ряд схожих по смыслу с ними других примеров. Но здесь уже, отчасти выходя за пределы витгенштейновских размышлений или, если быть более точным, выходя на их край, разумно задаться следующим вопросом: «Является ли механизм обучения языковой игре внешним по отношению к языку?» Если мы признаем, что границы языка и реальности являются одновременно и внешними и внутренними для языка, тогда нам нужно указать на такие механизмы обучения употребления словам, которые были бы одновременно и внешними и внутренними для языка. Внешние формы отбора слов и обучения словам Витгенштейном в его работах показываются. Но каковы механизмы обучения языковым играм, которые являются внутренне присущими самому языку? Какие структуры и механизмы самого языка позволяют производить установления соотношения соответствия слов и предметов? Здесь, на наш взгляд, для объяснения данного процесса необходимо создание семиотики «указательного обучения». Сам Витгенштейн лишь предполагает возможность таковой. Разработка же ее исходных принципов – это та задача, которую, по нашему мнению,

⁴² Там же. С. 328.

⁴³ Там же. С. 362–363.

еще предстоит решать различным наукам. Впрочем, некоторые основания данной семиотики «указательного обучения» закладывает Жак Лакан в своих работах. Нам представляется, что его идеи в данном отношении являются весьма продуктивными. В частности, граф Лакана позволяет описать тот механизм, в результате которого осуществляется захват знака, придание ему определенного значения в речи человека. Весьма важно то, что, по мнению Лакана, знак «захватывается», приобретает определенный смысл не в результате некоего единовременного акта определения соответствия знака и какого смысла, значения, а в результате, по сути, двойного прихвата. Например, ребенку говорят, что собака лает «гав-гав». В итоге ребенок начинает соотносить знак «собака» с этим самым «гав-гав». Но ведь и «гав-гав» и «мяу» уже существовали в каком-то знаковом контексте. Таким образом, есть возможность данную ситуацию интерпретировать с точки зрения витгенштейновской теории языковых игр, для которой сама граница языка и внешних по отношению к языку объектов существует как динамическая и открытая. Есть и другие достоинства методологии Жака Лакана, которая позволяет анализировать то, каким образом усваиваются значения слов, в результате «работы» указанного выше «двойного прихвата» значения. Это тот край размышлений Витгенштейна о языковых играх, который представляется нам наиболее интересным и продуктивным для всей системы современного гуманитарного знания в плане их развития и детализации, как с теоретической точки зрения, так и с точки зрения практики. Впрочем, для нас, в настоящее время, пока лишь самым общим образом видится возможность создания и формализации принципов подобной семиотики «указательного обучения», но перспективность исследований в данном направлении не вызывает сомнений.

ПРИНЦИП ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ: НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И ПОСТМОДЕРНИЗМА

В. А. Сухарева

*магистрантка 1 курса направления «Философия» Института
социальных и политических наук Уральского федерального
университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*

1. Вступление. Связь между языковым знаком и референтом и природа этой связи в большинстве теорий аналитической философии объясняется формальным образом либо вообще остается за рамками всяких объяснений, существует в статусе явного или